

УДК 811.511.112'28'342(470.331):004.93'14
Doi 10.26456/vtfilol/2023.4.048

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

И.П. Новак, А.Н. Рунтова

Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», г. Петрозаводск

В статье представлены результаты диалектометрического исследования фонетической системы тверских говоров карельского языка. В процессе работы были выявлены основные междиалектные соответствия в области вокализма и консонантизма, а также составлены кластерные карты с изоглоссами, которые в дальнейшем планируется использовать для построения диалектной карты. Полученные результаты и выводы могут быть учтены в процессе кодификации новописьменного тверского варианта карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, тверские карельские говоры, лингвистическая география, диалектометрия, фонетика, вокализм, консонантизм, фонетические соответствия, изоглоссы.

Введение

Говоры карельского языка Тверской области – сформировавшийся вследствие переселения карелов Карельского уезда в XVI–XVIII вв. крупный диалектный анклав собственно карельского наречия. К середине XVII в. на Тверские земли пришло свыше 25 тыс. переселенцев [8; 15: 458–464]. К концу первой трети XX в. численность верхневолжских карелов достигла 150 тыс. человек [6], а затем начала стремительно сокращаться. Согласно официальным данным, в 2021 г. в Тверской области проживало 2764 карела, из которых более половины (1845 чел.) указали владение карельским языком [9].

Язык тверскими карелами используется в семейно-бытовом общении, главным образом, людьми старшего поколения. Люди среднего возраста его в лучшем случае понимают. Передача языка детям не осуществляется. Кроме сокращения числа носителей и нарушения межпоколенческой передачи, язык тверских карелов обладает и другими факторами, ставящими его под угрозу исчезновения: прерванная письменная традиция, языковой сдвиг, отсутствие СМИ и обучения на языке, падение престижа [17].

Одним из важнейших способов ревитализации миноритарных языков является создание письменности, в основе которой лежит нормирование, т.е. «формирования орфоэпических, грамматических и лексических норм, считающихся образцовыми в данном языке» [16: 152]. Этот процесс предполагает искусственное конструирование норм по

определенным критериям, поэтому лингвисты используют термин «стандартизация» [18: 23–24; 2: 228; 3: 15–16], т.е. «сведение свободных вариантов языковых единиц к одному; выбор предписываемого (рекомендуемого) образцового варианта с соответствующей фиксацией в словарях, грамматиках и т.п. как основа нормализации» [16: 217]. Нормирование или кодификация языка может вызывать разногласия, так как выбранная норма не всегда удовлетворяет всем вариантам устной речи носителей говоров и диалектов, из которых формируют общую письменность [7: 12–13].

Создание письменности для тверских карелов характеризуется прерыванием традиции. Современный этап начался в 90-е годы XX в., но, несмотря на значительные успехи в этом направлении, остается нерешенным ряд спорных вопросов, касающихся выбора письменной нормы, что обосновано диалектными различиями в языке.

Из существующих классификаций наибольшее признание среди языковедов получило выделение трех тверских карельских диалектов: толмачевского, весьегонского и держанского [28]. Толмачевский диалект объединяет современные говоры Лихославльского, Спировского, Рамешковского и Максатихинского и соседних районов. На его диалектной основе ведется развитие новописьменной нормы. На весьегонском диалекте говорят карелы Весьегонского и прилегающих районов. В нескольких деревнях вдоль р. Дёржи в Зубцовском районе еще можно услышать последних носителей держанского диалекта.

Изучение и фиксация тверской карельской диалектной речи была начата во второй половине XIX в. финляндскими исследователями Д. Европеусом, Т. Швиндтом, К. Ф. Карьялайненом, В. Алава и продолжена в XX в. Ю. Куйола, А. Пенттиля, а позже П. Виртаранта [21]. С середины XX в. тверские говоры привлекали внимание эстонских лингвистов П. Палмеос и Я. Ёйспуу. Особое место в их исследованиях было уделено фонетике держанских говоров [26; 27].

Российские языковеды занимаются изучением языка тверских карелов с начала XX в. Первое описание фонетической системы толмачевских говоров было произведено А. А. Беяковым [4]. С конца 1950-х гг. под руководством Г. М. Макарова, а затем А. В. Пунжиной к тверским карелам ежегодно организовывались лингвистические экспедиции ИЯЛИ КарНЦ РАН, во время которых был записан внушительный объем рукописных текстов и магнитофонных записей образцов речи [12]⁶. В ходе полевой работы велось заполнение вопросников для «Диалектологического атласа карельского языка» (1997), в котором нашли отражение фонетическая, грамматическая и лексическая системы 36 тверских карельских говоров [10: 24–27].

⁶ Тексты образцов карельской речи, а также архивные материалы постепенно размещаются в «Открытом корпусе вепского и карельского языков» [ВепКар].

Несмотря на довольно продолжительную историю исследования, отдельные фонетические явления тверских карельских говоров остаются малоизученными, отсутствуют комплексные лингвогеографические описания. Их дефицит покрывают карты атласа, однако, недостаток сопроводительных комментариев к ним и отсутствие сводных карт не позволяют получить представление об истории сложения диалектной системы тверских карельских диалектов.

Обрабатывать большие объемы диалектных данных в целях решения лингвогеографических задач позволяют диалектометрические методы исследования [13]. Отличным материалом для них являются данные «Программ», полученных в процессе работы над атласом. В Верхневолжье в 1957–1967 гг. было заполнено более 60 таких вопросников⁷. Источником материала для настоящего исследования выступили оцифрованные, расшифрованные и перенесенные в блок «Вопросы» диалектной базы карельского языка Murreh [24]⁸ материалы программ из раздела «Фонетика» (более 800 вопросов) по 56 тверским карельским говорам.

1. Междиалектные соответствия вокалической системы

В отличие от монофтонгов, системы дифтонгов карельского языка обнаруживают важные диалектные различия. **Расширяющиеся дифтонги** восходят к праприбалтийско-финским долгим гласным или сочетаниям гласных, образовавшимся после выпадения интервокальных согласных [14: 42, 45].

Кластеризация материалов базы по **рефлексам праязыковых *aa, *ää, *a-a, *ä-ä** разделила тверские говоры на четыре группы⁹:

1) основная, включившая в себя говоры всех трех диалектов, с дифтонгами *ia, iä* как в позиции ударного (первого) слога, так и далее в слове, напр., *tua* ‘земля’¹⁰, *huaba / huab* ‘осина’, *oštua* ‘покупать’, *piä* ‘голова’, *kiändäy* ‘поворачивает’, *eliä* ‘жить’;

2) северо-восточная, представленная восточными весьегонскими говорами (пункты 151, 152, 153, 154), в которых в словах заднерядного вокалического оформления появляется дифтонг *ja*, напр., *mja*, *hjabä*, *oštja*, *piä*, *kiändäy*, *eliä*;

⁷ Рабочие материалы атласа хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН.

⁸ База данных и модуль кластеризации разработаны ведущим инженером исследователем ИПМИ КарНЦ РАН Н. Б. Крижановской. Расшифровкой материалов занималась м.н.с. сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН А. Н. Рунтова.

⁹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2127/map>

¹⁰ Переводы примеров приводятся при первом упоминании. С полными списками вопросов и ответов можно ознакомиться в соответствующих разделах базы данных: <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/qsection>.

3) говор Домантово (199), в котором кроме дифтонга *ja* в словах переднерядного оформления развился также дифтонг *ie*, напр., *mja*, *hjabä*, *oštja*, *pie*, *kiändäv*, *elie*;

4) на северной и южной окраинах толмачевского диалекта выделились говоры Лопатиha (164) и Иевлево (210), демонстрирующие наличие рефлексов *uo*, *iä* / *ie*, напр., *tuuo*, *huoba*, *oštuo*, *piä*, *kiändäy*, *elie*.

Из представленных рефлексов пара *ua* – *iä* является наиболее древней общекарельской инновацией [23: 379]. Дифтонга *ja*, кроме тверских, характерен также для кондушских и отдельных паданских говоров [25: 95; 29: 272]. На возможность его общих корней в них указывают сведения о переселении в XVIII в. паданских карелов на Тверские земли [19: 55]. Исследователи отмечают наличие значительного собственно карельского компонента и в кондушских говорах [1]. Характер пары рефлексов *uo* – *ie* указывает на их поздний инновационный характер. Стоит отметить, что аналогичная пара характерна для южных говоров карельского языка Карелии [5: к. 4].

По рефлексам долгих **oo*, **öö*, **ee* ударного слога и по поведению заударных дифтонгов, возводимых к сочетаниям **e-a*, **e-ä*, **i-a*, **i-ä*, **u-a*, **y-ä*, **o-a* говоры разделились на три кластера¹¹:

1) основной кластер, в который вошли толмачевские и весьегонские говоры, с дифтонгами *ie*, *uo*, *yö*, напр., *kiolet* ‘языки’, *vuozï* ‘год’, *myöhäzet* ‘поздние’, *laškie* ‘пускать’, *kivie* парт. ед. ч. от ‘камень’, *kaiivuo* парт. ед. ч. от ‘колодец’, *koivuo* парт. ед. ч. от ‘береза’, *šanuuo* / *sanuo* ‘сказать’;

2) группа южных и западных толмачевских говоров (пункты 210, 212, 214, 215), в которых в заударной позиции возможно расширение дифтонгов до *ia*, *iä*, *ua*, *yä*, напр., *kiolet*, *vuozï*, *myöhäzet*, но *laškia*, *kiviä*, *kaiivua*, *koivua*, *šanua*;

3) держанский говор Васильевское (218), в котором отмечена возможность сужения дифтонгов до *i*, *u* / *uw* в заударной позиции, при расширении в ударной, напр., *kiälet*, *vuazi*, *myähzet*, при *laški*, *koivu*, *kaiivu*, *šanuuo*.

Исходя из ареала распространения анализируемых рефлексов в говорах других диалектов карельского языка [5: к. 8–13] и в диалектах финского языка [22: к. 195, 197], архаичный характер в них имеют пары *ua* – *yä*, *ia* – *iä*, тогда как рефлексy *uo*, *yö*, *ie* представляются общекарельской инновацией. Сужение дифтонгов в держанских говорах является поздним инновационным явлением.

Держанские говоры выделяются на фоне остальных тверских также наличием апокопы¹², напр., *huab* ‘осина’, *emänd* ‘хозяйка’, *kezrää* ‘пряжа’, *pert* ‘изба’, *ozr* ‘овес’, тогда как в основном массиве говоров

¹¹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2130/map>

¹² <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2136/map>

отмечены *huaba, emändä, kevräjä, perti, ozra*. Апокопа держанских говоров является молодым явлением, на что указывает ее отсутствие в речи старшего поколения носителей языка в середине XX в. [26: 2–3].

Для тверских говоров, как и для ряда карельских говоров Карелии и восточных диалектов финского языка [22: к. 160; 5: к. 32–34], свойственно явление лабиализации переднерядных гласных *i, e*. По лабиализации гласного *e* заударной позиции анализируемые говоры разбились на два кластера¹³:

1) обнаруживающий лабиализацию кластер, включивший центральные и самые западные толмачевские говоры, напр., *lähtömä* ‘телка’, *vägövä* ‘сильная’, *lugomah* ‘читать’ III инф. илл., *mänömäh* ‘идти’ III инф. илл.;

2) не поверженный явлению кластер, представленный северной половиной и самыми южными толмачевскими, весьгонскими и держанским говором (в последнем также возможно выпадение анализируемого гласного), напр., *lähtemä, vägevä, lugemah, mänemäh*.

2. Междиалектные соответствия консонантной системы

Фонетические свойства согласных карельского языка часто зависят от их фонетического окружения. Так распределение переднеязычных шипящих и свистящих *s / š, z / ž* в тверских говорах обусловлено как соседними фонемами, так и рядностью гласных слова [11]: после гласного *i* всегда выступают свистящие согласные, а в словах заднерядного вокалического оформления – шипящие. А вот по переднерядным лексемам выделяется две группы говоров¹⁴:

1) основная, представленная толмачевскими и держанским говорами, с шипящим согласным, напр., *šeinä / šein* ‘стена’, *šyvä* ‘глубокий’, *šärbäy* ‘хлебает’, *šilmä / šil’m* ‘глаз’; *kežä* ‘лето’, *kyžyu* ‘спрашивает’, *pežöy* ‘моет’; *kynzi* ‘ноготь’, *leški* ‘вдова’, *yškä* ‘охапка’, *veštäy* ‘тешет’; *kirveš* ‘топор’, *šeiväsš* ‘шест’;

2) весьгонская (без Чернягино (156)), в которой в анализируемых позициях представлен свистящий *s*, напр., *seinä, syvä, särbäv, silmä; kezä, kyzyy, pezöv; kynzi, leski, yskä, vestäv; kirves’, seiväs’*.

Однако в случае, когда анлаутный интервокальный щелевой находится в положении перед долгим *ii* или дифтонгом *ie* изоглосса сдвигается на запад¹⁵, выделяя две группы:

1) западную (держанские и юго-западные толмачевские говоры) с согласным *š*, напр., *šieglä / šiiägl* ‘сито’, *šieni* ‘гриб’, *šiiibi* ‘крыло’;

¹³ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2137/map>

¹⁴ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2138/map>

¹⁵ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2139/map>

2) восточную (весьегонские и северо-восточные толмачевские говоры) с преимущественным употреблением свистящего согласного, напр., *siegla, sieni, siibi*.

Тверские говоры не обнаруживают отличий в дистрибуции переднеязычных щелевых согласных с собственно карельскими говорами северной и средней Карелии [5: к. 74–100], что указывает на ее общие древнекарельские корни. Особенность распределения шипящих и свистящих в восточных весьегонских говорах вновь совпадает с паданскими говорами Карелии. Непоследовательное представительство явления в северных говорах толмачевского диалекта может быть объяснимо их переходным положением.

Тверские карельские говоры отличаются друг от друга также по степени палатализации переднеязычных согласных, находящихся в положении перед гласными переднего ряда. **По степени палатализации согласного *r*** анализируемые говоры распределяются на две группы¹⁶:

1) более крупная юго-западная, с преимущественным употреблением твердого *r*, напр., *rebo* ‘лиса’, *riehtilä* ‘сковорода’, *briha* ‘парень’, *nagris* ‘репа’, *tedri* ‘тетерев’, *kerritäh* ‘успевают’, *puri* ‘укусил’;

2) северо-восточная, в говорах которой согласный уже значительно чаще поддается палатализации, напр., *r’ebo, r’iehtilä, br’iha, nagr’is, tedr’i, keer’itäh / kerr’itäh, pur’i*.

В ряде толмачевских говоров степень палатализации *r* зависит от его позиции в слове и от качества следующего за ним гласного.

Обращает на себя внимание и значительно менее выраженная палатализация согласных *t, n* в положении **перед гласным *e*** в держанском говоре Васильевское (218) и в ряде западных, южных и северных толмачевских говоров (пункты 163, 164, 167, 189, 190, 191, 192, 206, 208, 212, 214, 215)¹⁷, напр., *terv* ‘смола’, *terveh* ‘здоровый’, *herneh* ‘горох’, *kuynel* ‘слеза’, *lennetäh* ‘летают’, тогда как в остальном массиве говоров: *t’erva, t’erveh, hern’eh, kuyn’el, len’n’etäh*.

По поведению *n* в словообразовательном суффиксе *n’e* говоры разделились на две отличные группы¹⁸:

1) крупный кластер толмачевских, держанского и северных весьегонских говоров с мягким *n*, напр., *imehmin’e / inehmin’* ‘человек’, *kuldan’e / kuldan’* ‘золотой’, *myöhän’e* ‘поздний’;

2) группа, представленная южными весьегонскими, а также отдельными северными и центральными толмачевскими говорами с менее выраженной палатализацией, напр., *inehmine, kuldane, myöhäne*.

Палатализация переднеязычных согласных перед гласным *i* возводится к древнекарельскому периоду. Считается, что на остальные

¹⁶ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2142/map>

¹⁷ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2144/map>

¹⁸ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2145/map>

позиции слова она распространилась уже позже, отличным образом в разных диалектах [20: 100–101], что и демонстрируют тверские говоры.

В области консонантизма также обращает на себя внимание метатеза сочетания согласных *nh*. Изоглосса данного соответствия прошла с севера на юг, разделив толмачевские говоры на две части:

1) западную, в говорах которой сочетание сохранилось в неизменном виде, напр., *tanhuo* ‘двор’, *vanha* ‘старый’;

2) восточную, с весьегонскими говорами, в которых представлена метатеза, напр., *tahnuo*, *vahna*.

Держанский говор Васильевское (218), как и часть толмачевских говоров (159, 171, 174, 182, 208, 209, 215), обнаруживают использование обоих вариантов. Кроме восточных тверских говоров переход *nh* > *hn* характерен также для южных наречий карельского языка и южнокарельских диалектов собственно карельского наречия Карелии.

Заключение

В ходе проведенного диалектометрического исследования фонетической системы тверских говоров собственно карельского наречия карельского языка были выявлены их основные междиалектные соответствия в области вокализма и консонантизма, проведены изоглоссы¹⁹. На сводной кластерной карте анализируемые говоры распределились на пять групп. Как и в традиционной диалектной классификации держанский и весьегонские говоры сформировали самостоятельные кластеры.

Граница весьегонской группы оказалась несколько смещена на восток, объединив говоры Поцеп (151), Дюдиково (152), Мосеевское (153), Петряево (154). Группу выделяет использование дифтонга *ja* (< **aa*), а также свистящих согласных в лексемах переднерядного вокалического оформления. Группа демонстрирует близость с говорами средней Карелии, что может указывать на более поздние истоки заселения карелами восточной окраины современной Тверской области.

Держанский говор Васильевское (218) характеризуется поздними инновационными явлениями: сужением расширяющихся дифтонгов в заударной позиции и редукцией конечных гласных слова. По остальным параметрам он совпадает с южными толмачевскими говорами.

Толмачевские говоры из традиционной классификации оказались разбиты на три группы:

1) восточная (говора Сандовского, Лесного, Молоковского, востока Максатихинского районов + говор Чернягино (155)) обнаруживает общие черты как с остальными толмачевскими группами, так и с весьегонской (дистрибуция переднеязычных щелевых согласных,

¹⁹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2148/map>

сильная степень палатализации согласного *r*, метатеза сочетания согласных *nh*), демонстрируя тем самым переходный характер;

2) западная (говоры Спировского, Лихославльского и Вышневолоцкого районов) характеризуется лабиализацией заударного гласного *e* и менее выраженной палатализацией согласных *t*, *n* в положении перед гласным *e*;

3) южная (говоры Рамешковского и запада Лихославльского + западные говоры Максатихинского района) обнаруживает смешанный характер. Она максимально близка к западной группе, но при этом содержит некоторые общие черты с восточной, собственных диалектно-дифференцирующих черт не имеет.

В ходе дальнейшей работы аналогичным образом планируется проанализировать морфологическую систему тверских карельских говоров. Сопоставление полученных результатов позволит уточнить их диалектные границы и языковой статус (диалект / группа говоров). Полученные результаты и выводы могут быть использованы для наиболее объективной и научно-обоснованной кодификации новописьменного тверского варианта карельского языка.

Список литературы

1. Антикоски Э. О формировании карельского языка. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru/karel/ant1.htm> (дата обращения: 15.05.2023).
2. Архипова Л.С. Грамматический аспект нормирования современных миноритарных языков Л // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 227–239.
3. Архипова Л.С. Стандартизация миноритарного языка как способ повышения его этнолингвистической витальности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 11–21.
4. Беляков А.А. Фонетика карельского диалекта с. Толмачи калининской области // Советское финно-угроведение. Петрозаводск: Госиздат Карело-финской ССР, 1949. С. 67–98.
5. Бубрих Д.В., Беляков А.А., Пунжина А.В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 с. карт.
6. Вершинский А.Н. Список карельских селений Московской области. Москва, Калинин: тип. изд-ва «Пролетар. правда», 1932. 22 с.
7. Германова Н.Н. Нормирование языка и лингвистическая конфликтология // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 11–22.
8. Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат, 1956. 79 с.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FTom5_tab4_VPN-2020.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 15.05.2023).
10. Новак И.П. Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. 226 с.

11. Новак И.П. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка // Урало-алтайские исследования. 2021. № 2. С. 103–132.
12. Новак И.П. Коллекция тверских карельских диалектных материалов в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН // Ученые записки ПетрГУ. 2021. № 1 (43). С. 38–47.
13. Новак И.П., Крижановская Н.Б. Система восходящих дифтонгов в говорах карельского языка Карелии: сравнение методов кластеризации // Вестник угроведения. 2022. № 3. С. 486–496.
14. Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. Москва: Наука, 1975. 346 с.
15. Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 455–465.
16. Словарь социолингвистических терминов. Москва: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
17. Список языков России (v2020) // Проект «Языки России» / Институт языкознания РАН. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (дата обращения: 15.05.2023).
18. Чельшева И.И. Миноритарные романские языки и проблема создания языковой нормы // Вопросы филологии. 2010. №1 (34). С. 53–59.
19. Чернякова И.А. Сегозерье: от Средневековья к Новому времени // Деревня Юккогуба и её округа. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. С. 39–60.
20. Itkonen T. Itäsuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi // Fenno-Ugrica: Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.3.1968. Helsinki: SUS. 1968. S. 76–116.
21. Joki L. Tverinkarjalan aineistoista ja tutkimuksesta // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: ТвГУ, 2011. С. 70–80.
22. Kettunen L. Suomen murteet. Murrekartasto. Helsinki: SKS, 1940. URL: <http://kettunen.fnhost.org/> (дата обращения: 15.05.2023)
23. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
24. Murreh: диалектная база карельского языка. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 15.05.2023)
25. Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918. 129 s.
26. Palmeos P. Über den Vokalismus der Zubcover Mundart des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1966. № 1. С. 1–5.
27. Palmeos P. Astmevaheldus karjala Djorža murrakus // Emakeele. Seltsi Aastaraamat. 19–20. 1973–1974 (1975). Lk. 227–235.
28. Zaikov P.M. Karjalan kielen murteet. Petrozavodsk: PetrSU, 2017. 36 s.
29. Virtaranta P. Über den olonetzischen Konduši-Dialekt // Finnisch-ugrische Forschungen. 1973. 40. S. 259–277.

Об авторах:

НОВАК Ирина Петровна – канд. филол. н., ст. науч. сотр. сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (185910,

Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11); e-mail: novak@krc.karelia.ru

РУНТОВА Анастасия Николаевна – мл. науч. сотр. сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11); e-mail: runt.na@mail.ru

PHONETIC DIFFERENCES WITHIN TVER KARELIAN SUB-DIALECTS

I.P. Novak, A.N. Runtova

Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

The article reports the results of a dialectometric study of the phonetic system of Tver Karelian sub-dialects. In the process, key inter-dialectal correspondences in vocalism and consonantism were identified and cluster maps with isoglosses were produced, which are going to be used to draw the dialect map. These findings and outputs could be taken into account when coding the newly scripted Tver Karelian variety.

Keywords: *Karelian, Tver Karelian sub-dialects, linguistic geography, dialectometry, phonetics, vocalism, consonantism, phonetic correspondences, isoglosses*

About Authors:

NOVAK Irina P. – Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (185910, Pushkinskaya Str., 11, Petrozavodsk, Karelian Republic); e-mail: novak@krc.karelia.ru

RUNTOVA Anastasiya N. – Junior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (185910, Pushkinskaya Str., 11, Petrozavodsk, Karelian Republic); e-mail: runt.na@mail.ru

© Новак И.П., Рунтова А.Н., 2023

Статья поступила в редакцию 20.09.23
Подписана в печать 06.10.23